

Национальная библиотека ЧР

к-063386

12	14	02
22	21	21
22	28	22

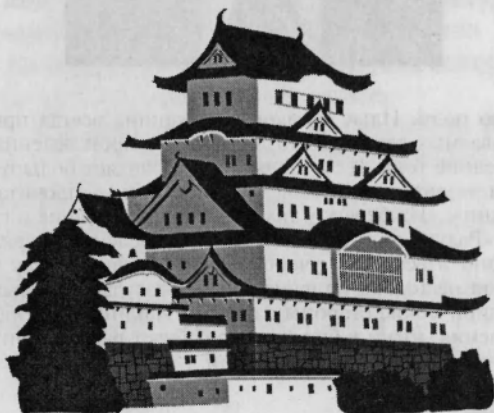
Обязательное чтение (= Руче)

В 67

Илья Волжанин

УЧЕНЫМ МОНАХ КАКИНО БИЧУРИН

Исторический роман в стихах

кр
нет

Чебоксары
«Новое Время»
2007

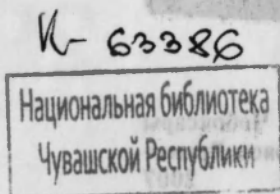
УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-5
К 14

Казаков-Волжанин И.В.

К 14 Ученый монах Иакинф Бичурин: Исторический роман в стихах. — Чебоксары: «Новое Время», 2007. — 68 с.

Творчество поэта Ильи Казакова-Волжанина всегда привлекало смелостью затрагиваемых тем, будь то лирические произведения или исторические. В последние годы Илья Волжанин проявляет большую творческую активность. Он — автор пяти книг: «Друзья мои — прочитанные книги», «Источник жизни», «На берегу у тихой речки», «Сказание о граде Мариинском Посаде», «Радуга семи цветов». Это произведение посвящено Н.Я. Бичурину, всемирно известному ученому-востоковеду. Автору удалось показать своего героя не только на фоне важных государственных событий, но и приоткрыть лирические стороны из жизни Иакинфа, его любви и страданиях. Нет сомнения, что и в будущем поэт будет радовать читателей новыми книгами. В его стихах — частица души...

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

© Казаков-Волжанин И.В., 2007

ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИГИ

Тема, поднятая в произведении, очень актуальна и современна, так как в сентябре 2007 года исполнится 230 лет со дня рождения монаха Иакинфа, ученого, нашего земляка Никиты Яковлевича Бичурина.

Это произведение — дань светлой памяти замечательному ученому, заслуги которого очень значимы для мировой науки и велики перед Россией.

Знакомя читателя с трудной жизнью Иакинфа, автор сам переживает крутые изломы судьбы ученого монаха и заставляет задуматься читателя и понять, как трудно, но с оптимизмом, с пользой для Родины прожил свою жизнь Н.Бичурин.

Читатель, знакомясь с жизнью своего земляка, испытывает гордость. Именно это чувство было приоритетным и для автора.

Ильей Волжанином проделана большая историко — исследовательская работа. Изучено много исторических документов, привлечено множество архивных данных, включая царские указы, описана вся биография Бичурина в художественной форме. Рассказывается о многих исторических деятелях в связи с жизнью Н.Бичурина, о влиянии ученого монаха на видных деятелей культуры, литературы и науки. Так Лев Гумилев, востоковед, вспоминал, что 20 рукописных томов Бичурина были «колодцем», из которого он черпал сведения для своих научных трудов.

Хочется отметить мастерство автора Ильи Волжанина в изображении своего героя. Н.Бичурин показан живым, ярким человеком, которому присущи все общеизвестные человеческие качества. Образ написан эмоционально во всех аспектах его жизни.

Произведение представляет интерес для широкого круга читателей.

*Галина Суrowцева,
учительница русского языка и литературы
школы № 24 г.Чебоксары*

Глава 1. Александро-Невская лавра

Александро-Невская лавра.
Монахи-схимники живут.
Витают в кельях божья кара:
Здесь Иакинфа¹ стерегут.

Ускорить, видимо, кончину
Хотят монахи на беду.
Не кормят, есть на то причина:
— Жди, мол, небесную еду.

А старец с умными глазами
Ушел в себя, в свой дивный мир,
И под святыми образами
Все вспоминая жизни пир.

Известен он в миру Никита,
Бичурин звался он тогда.
И детство помнит: под раковой
Бежали юные года.

Отец его, дьячок Иаков,
Служил, как дед, священником
И путь Никиты с нотных знаков
Вел в мир духовный пленником.

А детство было средь чувашей,
Приволжский край, его борьба.
Война повстанцев горькой чашей
Коснулась каждого судьба.

Внедрялось православье божье,
Казань готовила сынов.

¹ Иакинф (греч. hyacinthos): (Гиацинт, Гиацинт): по спартанской легенде — прекрасный юноша, нечаянно убитый Аполлоном во время спортивных состязаний. Из его крови выросли красивые лилово-красные цветы, получившие то же имя. В соответствии с другими источниками гиацинт в переводе с греческого означает «цветок дождей», так как на своей родине в Малой Азии он распускается с приходом первых теплых весенних дождей.

И эта молодежь с Поволжья
Должна продолжить путь отцов.

Архиепископы святые:
Вениамин, Антоний тож —
Старались чрез дела благие
Учить наукам молодежь.

Особенно отец Амвросий
Старался грамоте детей
Учить. И все дела отбросив,
Следил за святостью церквей.

И в академии Казанской
Никита тружеником слыл.
Архиепископ знал свияжский:
Талант от бога в парне жил.

И все невзгоды и болезни,
Бурсачья доля — горек хлеб.
Сам Подобедов в его жизни
Оставил добрый, светлый след.

И брат Илья, уже подросший,
Встал рядом мир сей постигать.
Никита, славу миру несший,
Во всем старался помогать.

А дисциплин учить хватало...
Неплохо он писал стихи.
И языков он знал немало
И рисовал он от души.

Учил грамматике неплохо,
Талант его замечен был.
Пострижен вскоре он в монахи.
Господь судьбу благословил.

«Вознесенский Монастырь»

Глава 2.
Архимандрит Вознесенского монастыря.
Ректор духовной семинарии

В Иркутск вела его дорога,
Уклад церковный ждал его.
И с монастырского порога
Свалилась ноша на него.

Дела запущены. И вскоре
Порядок был налажен тут.
С ним бесполезно было спорить...
Он созидал, хоть нравом крут.

Немногим нравились порядки,
Суровый нрав и спрос со всех.
Но жил Никита без оглядки,
Был обречен его успех.

Донос в Синод написан вскоре,
Был оклеветан Иакинф.

Свалилось на голову горе,
Тогда — реальность, нынче — миф.

Опальный Иакинф в Тобольске.
Здесь каторжане, ссыльный люд,
Но в тайне, зная о посольстве,
Мечтал: поможет сей приют.

Был благосклонен граф Головкин,
Ученым очень восхищен.
И миссию в Пекин предрек он,
Идеей так был поглощен.

Бичурин знал уже немало,
Китай — далекая страна.
Задача сложная стояла —
Все изучить от А до Я.

И пограничная застава,
И город Кяхта позади.
Прощайте милые дубравы,
Эх, ждет ли счастье впереди?

Мечталось очень уж Никите
Узнать Китай, Монголию.
Добился своего он в свите,
Чтоб изучать историю.

Какие страны, люди, звери...
Все описать, нарисовать.
Открылись двери в знания эти,
Которых долго пришлось ждать.

Язык китайский и монгольский,
Наречий много в племенах...
И разных, так что с европейским
Найдет ли истину монах?

А мысли в прошлом Иакинфа
Перебирали жизни нить.
Была история, и нимфа
Толкнула в сложный, трудный путь.

Глава 3.

Любовь Никиты Бичурина и Александра Карсунского к Татьяне Саблуковой (г. Казань)

Как в жизни случай все меняет,
Карсунский ввел в Татьянин дом.
Любовь и страсть — объединяют,
Потом от счастья пили ром.

Но в жизни редко так бывает,
Что веришь в первую любовь.
Как сладко сердце замирает,
В висках стучит и бьется кровь.

Ее глаза и голос нежный,
Грудной, волшебный, словно сон,
А тело — бархат белоснежный —
Коснешься, прыгнет сердце вон!

О, боже! Что же происходит?
Кажись, совсем сошел с ума!
Никита в рясе все же ходит,
Под рясой плоть умерщвлена.

Так думал он, пока не встретил,
Пока в глазах не утонул,
Пока в губах ее заметил,
Ту страсть и сам ее вдохнул.

А мысли бешено скакали,
Искали выход — должен быть.
Отцы святые, как узнали...
Совет Никите — все забыть!

Забыть? И рюмку выпив залпом,
И ром глотнув, еще, другой...
И пьяным сделавшись отважным,
Сказал: «Люблю ее такой!»

— Такой красивой в мире нету,
Люблю, люблю, упрям был он.

«Послушай ректора совета,
Не торопись, пройдет как сон».

Но слушать больше не хотелось,
Кричать хотелось о любви.
Сказать: «Все к черту! Натерпелось»,
И жить с Татьяной у реки.

Там домик будет, садик будет,
Детишки папой будут звать.
И мамою Татьяну видеть...
Ему хотелось закричать.

— Ну что ж! Иди сынок, подумай,
Ведь время есть еще у нас,
О будущем Никита думай,
Бог видит все, за все воздаст.

Домой бежал он окрыленный,
Победу чувствовал свою.
И в сладком сне спал утомленный,
Как будто был уже в раю.

А утром Саня, друг прекрасный,
Налил ему еще вина.
И поделился с другом счастьем...
Влюблен, влюблен — нужна она!

В глазах увидел ужас друга...
В лице вдруг Саня побледнел.
Что ты наделал? Это мука,
Услышать то, что не хотел.

— Ведь я ее люблю так страстно,
Не видишь разве, боже ж мой.
Никита, друг, ведь это грязно,
Лишать меня любви, родной!

Померкло все, лица не вижу,
Хотелось сразу умереть.

Эх, Саня, Саня — ненавижу!
Ой! Что я, как же все стерпеть?

Вот так вот разом все разбито,
И домик, речка, счастья нет...
И сердце, сердце, все — забыто!
И постарел намного лет.

И сели заново за рюмки
Два друга, братья — как же быть?
И ром не брал, тряслися руки,
Есть выход! Таню расспросить...

Пусть выберет себе мужчину,
Она одна — их двое тут.
Вином залитая кручина...
Все! Брошен жребий — завтра суд!

И Саня молвил, что монахом,
Как скажет: «Нет», тогда пойдет,
И пусть не будет это страхом,
В молитвах рана заживет.

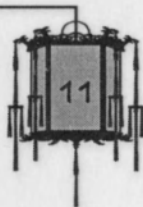
Наутро все решилось разом.
Татьяна выбрала судьбу.
Никите, стало быть — монахом,
Сказала: « Саню я люблю!»

Вода холодная не грела,
Эх! Волга, матушка-река...
В Казани нету больше дела,
Нырнуть, забыть все на века!

И дно уже почти что видно,
И рот открыт — идет вода...
И больно, больно — очень стыдно,
— Свалял я, видно, дурака!

Быстрой назад, гребни как хочешь,
Толкай наверх свою судьбу...

Неважно, что себе пророчишь
Все! Надышаться не могу!

Внезапно люди не взрослеют:
Пока растут, ошибок груз...
Несут, пока не поумнеют,
Жизнь — самый трудный в мире вуз.

Вот так, пострижен был в монахи,
Никита тайну сохранил...
Не знать теперь мирские страсти,
Архимандрит благословил.

И колокольный звон монаху,
Теперь уже в который раз...
Расскажет, как судьбу на плаху
Чуть-чуть не бросил за отказ.

Глава 4. Крепостная актриса — Наталья

Был снежный день, морозец свежий,
Хрустел снежок, как огурец.
Вдруг у обочины лик нежный,
Какой проехал удалец?

Лежит дивчина и не дышит,
Кругом не видно ни души.
Вдруг стон Никита еле слышит,
Давай дивчину тормошить.

Но вся в бреду от боли стонет.
Сказать не может ничего...
И ногу, ногу сильно ломит,
И дышит, дышит горячо.

Что делать? Экое свалилось!
Куда теперь ее девать?
И вспомнил дом, там сохранились,
За ним и комната, кровать.

И кучер скорость набирает,
Гони ты, братец, лошадей!
Скорей! Дивчина помирает —
И лекарь, немец у дверей.

Спасли дивчину, через время
Она расскажет про себя.
Да, Иакинф, вот это бремя
Свалилось с неба на тебя.

Зовут Наталией дивчину,
Актриса, крепостная есть...
Горит, горит в избе лучина,
Никита просит что-то съесть.

— Ты кушай, пей и поправляйся,
Подумать надо, как помочь?
Да, братец, в пору удивляться,
Какая смелость в эту ночь!

И едет Иакинф в поместье,
И входит в дом. Хозяин в нем
Был удивлен, но честь по чести,
Сказал: «За стол, вино где пьем».

— А о делах, потом, отец мой,
Сначала гостю мой уют.
И за столом с красивой дамой
Нашел свой временный приют.

Да, время быстро пролетело.
Откушав и попив вина,
Хозяин поднял свое тело.

— Ну что ж! Отличная цена!

Купить ее? Я брат не против...
Был молод сам, но вот беда,
Из Вятки, друг ко мне пристроив,
Отправил подучить сюда.

И если он совсем не против,
И я не буду поперек.
Сказал, на этом дело кончив,
Люблю я жизнь и шуток рок.

И через время Иакинфу
Дела все сладить удалось.
Помог дивчине, славной нимфе,
Сказал: «Свобода, все сбылось!»

— Иди теперь, ступай, весь мир твой,
Унизить, в грязь тебя втоптать..
Уже никто не смеет, друг мой,
Об этом твердо надо знать!

Она от счастья растерялась,
Потом, обняв его, слилась.
В порыве страстном обернулась,
То искра пламенем зажглась.

Узнал Никита это чудо!
И рад и нет, что ж делать тут?
Кого приветил, спас от худа...
Как уберечь от страстных пут?

Но молодость ведь тем прекрасна,
Когда не думаешь о том,
Что завтра будет, что напрасно
Ходил по углям босиком.

Душа страдала и металась,
И тайна жгла своим огнем.
Теперь лишь только оставалось
Не думать больше ни о чем!

— Но, выход есть, сказал Никита, —
Наталья, подойди сюда,
Ты перед зеркалом девица,
Отрежем косы навсегда!

Кафтан оденешь, шаровары,
И лихо шапку набекрень...
И Адрианом Ивановым
Начнешь с утра ты новый день!

Эх! Сани весело бежали
И колокольный перезвон...
Вперед, в неведомые дали
Звенели ласково, динь-дон!

Глава 5. На пути в Пекин

Вел дневники Бичурин строго,
Стремясь подробно описать.
Ведь знал ученый, что немного
Об Азии пришлось узнать.

Китайско-русский разговорник,
Словарь составлен — сложный труд.
Трудился много наш затворник,
Он изучал святыни Будд.

Он помнит вкус латыни сложный,
На греческом читал труды.
В руках держал он осторожно
Святыни древние суды.

Пыли веков коснувшись нежно,
Бичурин словно следопыт,
Открывал тот пласт так бережно,
Чтоб сохранить тот прежний быт.

Огни курганов, древних храмов —
Вот путеводная звезда!
Исследовать Восток, их ламов —
Источников борьбы, труда.

И вспоминая дни учебы,
Уроков трудных верениц.

Он восхищенным был от славы,
От македонских колесниц.

Вот истина в движеньи мира —
Пока ты молод, полон сил.
Пусть тянет к себе муза, лира
Других народов свет ярил¹.

Как Македонский древних скифов
Завоевал, но бог Папай²,
Не дал в обиду и из мифов,
Воскрес и сохранил тот край.

Великий царь был очень молод
И в жизни юной преуспел.
В пустынях — жар, в горах ли холод,
С войсками он перетерпел.

И стал Великим Александр,
И Азия теперь у ног.
Гордился старый Никомандр,
Учитель сделал все, что смог.

Но вот беда, ты повелитель,
Разрушил города и стер
С лица земли. Погиб мыслитель,
Который жил средь этих гор.

Глава 6.

Между Западом и Востоком — пыль времен

А саксы, жизнь свою спасая,
Дрались, и выживал народ.
И крепким духом обладая,
Они продолжили свой род.

¹ Ярило — солнце, древнеславянское название

² Бог Папай — главный бог у скифов, олицетворение грома и молнии

И топот древних аргамаков¹
Сугуды пламенных пород,
Бесстрашие отважных саков,
Готовых в смертный свой поход.

И в назидание потомкам
До нас из глубины веков
Дошла история о горьком
Сравнении чужих богов.

А было это в Мараканде².
Четвертый век на троне он,
Роксана. Свадьба Александра.
Персидский стол, персидский трон.

Кровавых дней боев бесстрашных,
Потери близких и друзей.
Все вспоминали тех отважных
И пили в отблеске огней.

И речи за столом прекрасны,
И славят Александра путь...
Перитакена взгляд опасный
Упал на Каллисфена тут.

И предложил он Каллисфену,
Чтоб гордость, пыл его унять,
Пусть тост поднимет он на смену
И с богом сможет ли сравнить?

И сын Афин спокойно, гладко
Речь вел о ярких днях царя,
И как живется теперь сладко
Тем, кто сидит вокруг огня.

Заслуг действительно немало,
Здесь перечислил Каллисфен,

¹ Аргамаки — лучшие кони древней породы в Средней Азии

² Мараканд — город, бывший на месте нынешнего Самарканда

Что полководец и как стало
Великим царство с Карфаген.

И запад может теперь смело
Дружить с Востоком без потерь,
И с каждым годом свое дело
Царь укреплял мечом этер¹.

Доволен базилевс речами,
Подумал, чем же наградить?
Атласом, золотом, мечами...
А Перитакен, чем досадить.

И повернувшись к Александру,
Воскликнул: «В общем молодец!
Но, сможешь ли сказать всю правду,
Без лести, этакий хитрец?»

— За правду, я тебя не трону.
Подбодрил царь: «Давай, вперед!
Пусть слышат все, что по закону
Царь правит миром. Так, народ?»

Глава 7.

Философ и поэт Каллисфен²

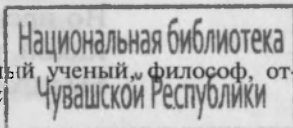
И речь услышал вот такую:
«Царь македонский, твой отец
Филипп был выше, и стальную
Он создал армию боец.

Успех заложен был солдатом,
Военный строй, муштра его...
И грекам, македонцам славным
Пришлось ведь драться за него.

К-63386

¹ Этеры — древние греки

² Каллисфен — племянник Аристотеля, известный ученый, философ, отличавшийся свободомыслием и смелостью речей

Ты слышал, что уже немало
Заслуг твоих перед страной.
Ты образован, тебе — слава!
Но сделал все какой ценой?

Как государь, ты все разрушил,
Десятки городов и сел...
Все сжег, историю нарушив,
Народ чужой к беде привел.

Что хуже, предал ты фиванцев,
Без Родины уже им жить.
Распял защитников тиранцев,
Им нечем больше дорожить.

Обязан эллинской культуре,
И выше должен был поднять.
А что мы видим — бескультурие,
И что нам больше созидать?

Ты ходишь в этих шароварах,
И в ноги кланяется люд...
Раба считаешь хуже твари,
Тебе все почести дают.

Как можно, чтобы целовали
Друзья, товарищи твой след?
Они с тобою воевали
И с ними покорил ты свет!»

Померкло тут в глазах тирана,
Он передернулся весь тут...
Слова так бьют, что уже раны
Совсем не скоро заживут.

Он не хотел все это слушать,
Но провокатор цель достиг.
Какой тут ужин, можно ль кушать?
Был схвачен Каллифен в тот миг!

И по приказу Александра
Уж в клетке Каллисфен сидит.
И дождь и солнце — вот награда,
И лев из тайника глядит.

— Гефестион, скажи на милость,
Что Каллисфен, он что молчит?
Он плох, но где его учтивость?
Как у меня душа болит!

Нет, видимо, ему прощенья:
Упрямых надо наказать.
Ох, если б преклонил колени...
Ну нет, так зверем растерзать!

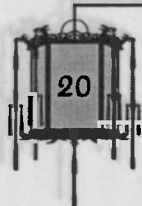
Алели пышные бутоны
Бассейн, и рыбки в них живут.
И Александр был в хитоне.
Все замерло, все зрелищ ждут.

А Каллисфен с последней речью,
И руки к солнцу протянув,
Сказал, позванивая цепью:
«Я ухожу, не обманув.

Труды мои вот в этих свитках,
Здесь прославляю вас, народ.
Пусть я оборван, в грязных нитках,
Но гордость вдаль меня ведет.

Я призывал любить природу,
Любить свободу искренне.
Вселенной тайну, в непогоду
Ученым быть поистине.

Мыслитель я, поэт свободы,
Бессмертной будет пусть душа,
Не уничтожат те народы...»
Тут лев рванулся, все круша!

О многом думал он в поездке...
Дорога длинная в Китай.
Вот Александра вспомнил, тексты,
Был прав мыслитель, прочитай.

Здесь Иакинф вздремнул немного,
Трясло в дороге, тяжек путь.
Да, сделать предстояло много,
Ведь книги нас переживут!

Глава 8. Сон Иакинфа

Как путнику в дороге спится?
Сначала плохо, не уют.
Потом стремишься как бы слиться
С дорогой, с песней, что поют.

В тревожном сне Никита видит,
Свой Вознесенский монастырь.
И как в окошке лампа светит,
Девица ждет его, не клир.

А время быстро пробежало,
Он не заметил, счастлив был.
Но сердце нет, нет-нет, да жало,
Был страх о том, кто сердцу мил.

К уюту быстро привыкаешь,
Все прибрано, тепло и сыт.
Себя вопросом донимаешь...
А долго ль можно так прожить?

Счастливым можно не заметить
Те тучи, что уж собрались,
Ох, если б вовремя приметить
Тех, до него что добрались.

Случился горький беспорядок,
Тот бунт прошел, как ураган.

Наталью спас, но тот осадок...
Ох, пошатнул духовный сан.

И дело громкое в Синоде,
Так затянулось, а потом,
Был отстранен Никита, вскоре
В Тобольск отправлен с паспортом.

И в кандалах сюда привозят
Народ с империи родной.
Людей — преступников неволят.
Здесь спрашиваешься с судьбой.

На каторге спасенья нету:
И лес, и камни — рабский труд.
И сгинешь с белого ты свету,
И похоронят где-нибудь.

И вереницей проносились
Детали прошлой жизни лент.
Вот в детстве с бурсаками бились,
Хотя прошло немало лет.

Тревожен сон, но по порядку,
Картинки ходят чередой.
С Татьяной сердцу мило, сладко...
Но кто-то ж был всему виной?

То вдруг отец зовет обратно,
Приход, мол, нужно в руки взять.
И вид совсем уж неопрятный,
Болеет, видимо, опять.

Лицо Татьяны, вот Натальи,
Уже совсем не разобрать...
Вот девушек из Забайкалья
Везут, чтоб замуж их отдать.

Их силой из дому угнали,
За морем мужиков полно.

Теперь с ружьем на плот загнали,
И так вот делалось давно.

И своевольный губернатор
Творит в Сибири произвол.
Чиновник здесь, как император.
Власть денег — высшее из зол.

И пишет Иакинф об этом,
И будет он, потом страдать...
Вот видит Пушкина. С поэтом
Есть что друг другу рассказать.

Дорога, дни сменяют ночи,
В четыре месяца тот путь.
И возница поет про очи,
Про те, что дома где-то ждут.

Глава 9.

«Май-май-чен» — торговый городок. Связь времен

Таможня, Кяхта — сутолока,
Троицко-Савский городок.
Калмык, тунгус, бурят — вот сколько
Влечет сюда людской поток.

Меняют у китайцев бойко,
На шелк и бархат, и чаек.
Купцы торгуются так стойко
Ох, жаркий выдался денек.

А география обширна:
Казань и Нижний, из Москвы...
Кого тут только и не видно,
Путь не из легких у паствы.

Вокруг кочевники и юрты,
Склады, лабазы, дикий скот.
Как будто кто-то их за путы
Связал в могучий дикий сноп.

Из голубого Керулена¹
Ведут следы тех перемен.
Притоки шумного Аргуни²
Вспоили будущих тумен³.

Там Оелун⁴ вскормила сына,
И степь свидетелем была,
И вскоре шея Темучина⁵
Раба колодки познала.

И рыжий воин, через время,
Бежав из плена, грозным стал.
И многочисленное племя
На Курултае⁶ честь воздал.

Каган назвался Чингиз-ханом⁷,
Посланник неба в этот мир.
Он в 50 вот с этим саном
Начнет с Ордой кровавый пир.

И через желтые равнины,
И белоснежные хребты,
Кочевье страшною лавиной
В Китай вошли со всей Ордой⁸.

Три года бурей пронесился
И Север, Западный Китай...
Растерзан был, стон доносился
И плач людской из края в край.

И золото, и ткани царства.
Разграблен шелковый был путь.

¹ Керулен — место рождения Чингис-хана в Монголии

² Аргуни — главная река «Коренной Монголии»

³ Тумен — военный корпус 10000 конных татар

⁴ Оелун — мать Чингис-хана

⁵ Темучин — простой нукер, бывший раб с колодкой на шее

⁶ Курултай — совет

⁷ Каган — татарский князь (царь)

Чингис-хан — посланник неба (перевод с монгольского)

⁸ Орда в Китае — 1211 г. — Вторжение в Китай (13 век)

Изделий разных, вин и в рабство
Хан вез их с войском — просто жуть.

Потом он горные отроги,
Хребты Тянь — Шаня перевозмог.
И мусульмане без подмоги
Дрались отважно, кто как мог.

И пали крепости сначала,
Обманом сдали Бухару.
Отрар и Самарканд молчали,
Кто думал, что пройдут гору.

Имамы очень постарались,
Сдавались страшному врагу,
Но были, что сопротивлялись,
Тимур — Мелик сказал: «Смогу!»

И дрался полководец рьяно,
Туркмены шли в последний бой.
И запах крови делал пьяным
Участников от битвы той.

Так пал Хорезм, древний славный,
И караванные пути...
Века пройдут, но безотрадный
Остался след, как ни крути.

И в Средней Азии богатой,
С тех пор ушло немало вод...
И подвиг Авиценны свято¹,
Хранит свободный этот род.

И Иакинф, с тревогой глядя
На этот разношерстный люд,
Все размышлял, что жизни пряди
Из глубины веков идут.

---

¹ Абу-Али Ибн Сина (ок. 980 — 1037 г.г.) выдающийся ученый 11 века, родился в Бухаре

Глава 10.
Дорожные размышления
и приключения Иакинфа

Воспоминаний вереница,
Обоз растянутый идет.
Дай, Родина, с тобой проститься,
Что впереди меня там ждет?

На сопку бойкая кобылка
Взмахнула, как Пегас крылом.
С вершины вдаль ушла та ссылка,
В которую попал силом.

Не очень Родина любила,
В груди так щемит отчего?
Чувашия так сердцу мила,
Свияга, Волга — без него...

И свежий ветер, перевозки
И ива, отчий дом, овраг...
И песни, что бежали слезы
И это лучшее из благ.

И колокольчики так бойко,
Напомнят русскую тоску...
Ямщик и тройка с песней звонкой,
И кони мчат на всем скаку.

Над головой шумели сосны,
И где-то дробный стук звучал...
То дятел в черном фраке грозный,
Так деловито все стучал.

Берез желтеющие рощи,
Горит на солнце позолот...
И ветер дует, что есть мочи,
И стадо диких коз ведет.

Вот степь и резвость амазонки,
Монголка скачет во всю прыть.

Подруга, будто это гонки
Обходит так, что нечем крыть.

Никита карандаш к бумаге,
Набросок есть еще один.
И есть уже холмы, овраги...
Все то, что в сердце мы храним.

И ехали еще неделю,
Хребты встречались на пути.
А облака так низко стелют,
Хотят нас быстро обойти.

С ружьем в лесу бродил Никита,
Полно изюбрей, диких коз...
Он видел, недовольна свита,
Сопровождавшая обоз.

И как-то раз, отстав однажды,
Столкнулся с амазонкой вновь.
Узнав его, позвав отважно
Влекла его в виденье снов.

Два мира на траве лежали,
Под запах мяты, чабреца...
А страсть по жилам кровь гоняла
Переполняя их сердца.

И Иакинфу все казалось,
Не караван, а табор есть...
Откуда это только взялось —
Цыган и воля, смелость, честь?

Привалы у лесной опушки,
Ручей, ворчливая река...
Трава густая, как подушка,
Ведь было так во все века.

И понял Иакинф, что женщин,
Нет безразличных для него.

Мир пуст без них и, значит, вещим
Был знак, что послан дня сего.

Источник радости могучей,
И властной на земле подчас.
Любви, неистовой и жгучей,
Влекушей в наслажденье нас.

И в разные концы рванулись
Два сердца ускакали прочь...
Под ветром всадники прогнулись,
Их тайну поглотила ночь.

Рыбалка утречком, на зорьке
Свежо, клубится еще пар...
И всплески рыб, деля на дольки
Волну гоняют, словно шар.

И леска напряглась упруго...
И поплавок пошел на дно.
Подсек Никита. Очень туго
Из глубины тянулось, но...

Сверкнул на солнце сиг огромный,
Потом ленок, чебак пошел...
Тайменок вдруг попался сонный,
Вот это клев я здесь нашел!

— Нельзя! Размахивал руками,
Цзангин навстречу им бежал.
И вот он русскому да-ламе
О рыбе новое сказал :

— Живое существо на свете,
Душа и в будущем живет.
Заботиться о многом лете
Наш Будда верою зовет.

Трава, деревья, птицы, звери
Они когда-то были кем?

Не знаете? И что потери
Влекут несчастья только всем.

Так рвется цепь тех превращений,
Которых уготовил бог.
Тут Иакинф без объяснений
Сказал: «Отправить в реку лов!»

— Не будем нарушать обычай,
Здесь монастырь для нас чужой.
Нирваны — дух не любит случай,
Сансары — плоть влечет с собой.

И лама загибал тут пальцы,
Что десять черных есть грехов
И не спасут шаманов танцы
И в рай не пустят тех волхвов.

Выходит, если ты не веришь,
Уже навеки обречен?
— Конечно, лама, зря ты медлишь!
— Но я по-нашему крещен!

Ох, с этим Буддой осторожно...
Нельзя людей здесь обижать.
Спросить и изучить, то можно,
Но мне их в веру обращать.

Глава 11.

Сказание о вожде гуннов Атилла — царе Итиль¹

Четыре месяца в дороге,
И этот путь прошел Каган.
Стена китайская — порогом,
Не смог пройти здесь Чингис-хан.

¹ Царь Итиль — вождь гуннов Атилла, то есть «человек с Итиля» (Волги), или «волжанин».

Иакинф у Китайской стены

Он обошел вот эту стену,
Теперь Никита здесь стоит.
Приехал он сюда на смену,
Чтоб миссию здесь заменить.

В Пекине жизнь пойдет другая,
Быть может, десять — боле лет.
И здесь, труды свои слагая,
Он данный выполнит обет.

И перед взором промелькнуло,
Что память выдала ему...
Как с Волги жизнь его толкнула,
И, видно, быть все по сему.

Легенду вспомнил он былую,
Которую сложил народ.
Про Волгу речь пойдет родную,
Откуда путь ее идет.

Булгары волжские когда-то,
Облюбовали дивный рай.

Леса и пастбища — богаты,
Ну чем не славный, дивный край.

И на горе крутой, высокой,
Построил хан большой дворец.
И корабли из стран далеких
Дары носили — все в ларец.

Дубы, как стражи, их встречали,
Где головы своих врагов,
Что в битве каждой отрезали,
На тын сажали, поборов.

Был хан Урак овейн славой,
И смелым был народ его.
Но вот однажды буря страшным
Явилась знаком для него.

И волны корабли на берег,
Разбив, бросали тяжело.
И нет богатства больше, денег,
Все это поглощало дно.

Колдун у хана слово просит:
«Я видел ночью вот чего:
Как только месяц в реку входит,
Оттуда царь и речь его:

Ваш царь Урак богатством славен,
Итиль река ему родней.
Он кормится рекой и жаден,
А я забыт намного дней».

От брани так он шевелился,
Что волосы и борода
И рыбий хвост, что так светился,
Тряслись от гнева старика.

Корона золотом сверкала,
Алмазы крупные на ней.

И лапы с перепонкой жали,
Трезубец, бьющий молнией.

Условия мои такие:
«Пусть хан Урак мне каждый год
В подарок дочь велит родную
Отправить в царство моих вод».

С тех пор и дружба состоялась,
И водный царь всегда имел
Подарки. В осень отправлялись
Дочурки, как Нептун велел.

Но вот однажды сын родился,
И в честь царя реки родной
Сказал так хан: «Итиль мой слился,
С душой моей и сын с тобой».

И время быстро побежало,
И хан Итиль уже подрос.
И царь реки сказал : «Настало,
То время, для чего ты рос.

Пусть выберет Итиль любую
Одну себе из дочерей.
И свадьбу сладим мы такую,
Что помнить будут много дней.

И трон в наследство уготован,
И все богатства — для него.
Но если мне отказ дарован,
Разрушу бурей все твое...

И делать нечего пожалуй,
Урак сказал: «Три дня пройдет,
Я созову гостей со славой,
Та свадьба по земле пойдет».

А сын царя в степи с дружиной,
Охотился который день.

Вернулся он. Отец с кручиной
Промолвил, хмурясь словно тень:

«Нептун зовет, и дочь в невесты
Отдать сегодня он готов.
Готовься к свадьбе, этой вестью
Обрадуй ты своих бойцов».

И молодой тут хан ответил:
«Пятнадцать лет ты дочерей
Все отдаешь, но как заметил,
Нет внуков рядом с давних дней.

Нет, не хочу на дно речное,
Люблю свободу и простор!
Коней и степь, костер, ночное...
Джигитов смелых, скачек спор.

И земли покорить другие
Отправлюсь с войском лучше я.
И на дела, отец, благие
Благослови тотчас меня!»

«Пойми, мой сын, что это дело
Всегда опасно, до времен
Бывает так, что в поле белом
Навечно воин погребен.

Уж лучше дома оставайся,
Воздвигнешь новый городок.
Дворец построишь, занимайся
Семейным счастьем, мой сынок.

Жена — русалкою в фонтане,
А рядом тесть — Нептун речной.
И будет ладно в твоем стане,
И обретешь ты мир, покой».

«Я знаю, чем мне заниматься», —
Ответил молодец лихой.

И рыбаков за сети браться
Призвал с дружиною степной.

И тысячи парней отважных,
Готовые на смертный бой.
На берег выстроились влажный,
Костры и бубны за спиной.

И лодку снарядив с дарами,
Визирь — с ларцом, за ним — Итиль.
— Вперед, царевич! Бог наш с нами,
Вот солнце яркое и штиль.

Три раза кликали Нептуна:
«Ну где же ты, совсем уснул?»
Гроза и ветер, много шума...
Визирь, словчившись, нож воткнул.

Итиль был мудр, кольчугой тело
Предусмотрительно закрыл.
И тот удар он принял смело,
И жизнь свою так сохранил.

Увидев это, вся дружина
На помощь к хану поплыла.
Со дна подняв ларец и сына,
Допрос визиря начала:

«Простых камней в ларец наклал ты?
Сокровища к себе забрал?
Ведь ты богат и есть награды,
Зачем о верности нам лгал?».

Сломали подлого убийцу
И в омут бросили его.
А сеть всю белую, как птицу,
Расправив, бросили на дно.

И вот в сетях белуга бьется,
На голове нарост золотой.

И борода с усами вьется,
А сам ну очень уж большой.

Вращает он глазами страшно,
Сказать не может ничего...
И бьет хвостом, сырым и влажным,
Ох, дрожь берет. Есть от чего.

Увидев это хан промолвил:
«Негоже с тестя есть шурпе¹.
Хоть он на свете много пожил,
Пусть дальше там живет на дне».

И рыбина хвостом взмахнула,
От злости страшен ее лик.
Из глубины волна рванула,
И гром, и буря в тот же миг.

И лодку отнесло далеко,
Ведь сила бури высока.
Итиль с друзьями спасся только,
Как тут дворец сгорел дотла.

Что натворил Нептун от злости?
Урак был просто потрясен.
О горе, ужас высшей пробы...
Тут хан в утес был превращен.

И после горькой этой драмы,
Итиль на запад всех увел.
И десять лет в боях и славе,
Но счастья так и не нашел.

Еще немного — сотня будет,
Вот скольких он уж покори́л.
В тех государствах ему служат,
И триста жен хан полюбил.

---

¹ Шурпа — похлебка (тюрк.)

На берегу реки Дуная
Народ, что только победил.
Хан, свадьбу новую играя,
В шатре любовь свою холил.

Хоть царство только покорилось,
Но дочь царя была хитра.
И в хана лезвие вонзилось,
Плати Итиль за все сполна.

И берег полон был народу,
Горел огромный там костер.
Вдруг из реки идет по броду,
Русалка прямо на шатер.

И говорит: «Постойте, люди,
Отдайте вы мне жениха.
Хрустальный гроб постелью будет,
А дом-Дунай, моя река.

Он обещал на мне жениться,
Пускай он выполнит обет -
На дно речное опуститься -
Хоть и прошло так много лет».

И отпустил народ русалку,
Отправив следом Итиля.
Кричат и плачут в небе чайки,
Так жизнь закончилась царя.

К чему щемит со сказки этой,
И сердце плачет от тоски?
И песня будто недопета
Про Волгу, желтые пески.

Глава 12.

Шамо-Песчаное море.

Пустыня Гоби (Северная Монголия)

Шамо — китайцы называют
Пустыню, где живут пески.
Следы за караваном тают,
В названии слова вески.

И кинешь взор, воды не видно,
Травы, деревьев просто нет.
И горизонт с холмами слитно
Мираж рождает столько лет.

Над головой лишь только небо,
Песок горячий под ногой.
Идешь вперед и веришь слепо:
Все будет хорошо с тобой.

От жалости сжималось сердце,
Страдал от стонов Иакинф.
Ведь надо ж грузу так втереться,
А ворон все кружил как гриф.

Верблюды — корабли пустыни —
Тащили тяжесть на спине.
Следов не видно; нет здесь жизни:
От этого не по себе.

Лишь воронье стремилось следом,
У каравана длинен путь...
И падаль им была обедом:
Живым дойти бы как нибудь.

А по утру за горизонтом
Зловеще красное пятно
Разлилось темным, тусклым фронтом.
И это значило одно:

Рождалась буря силой ветра,
И снег кружился здесь с песком.

Увидеть невозможно с метра,
Лишь спрятаться за бугорком.

А ураган крушил все юрты,
Да ночь с поземкою была.
Хаос природный сеял смугу,
И пала третья часть скота.

Все двадцать верст и двое суток,
Казалось все уже прошли,
Устали, будто после пыток,
Пустыня Гоби позади.

Стена Великая маячит,
Китай за нею, здесь рубеж.
И Иакинф быстрее скачет
Навстречу всем своим надежд.

И вот открытая площадка,
А за обрывом — целый мир...
Там скалы, храмы в беспорядке
Открылись взору во всю ширь.

Дома все вверх по косогору,
Иные — на крутой скале.
Упорный труд дает им фору,
Нехватка только лишь в земле.

Китайцы вежливо кивали,
А косы двигались им в такт.
Казалось, просто им мешали,
А может, это и не так?

— Обрезать косы — будут рады?, —
Спросил Никита у бошка¹.

— Нельзя их резать, так как надо,
Исполнить волю до конца.

¹ Бошок — помощник китайского пристава

Народ был покорен маньчжуром,
Их надо было отличить.
И как-то ранним утром хмурым,
Канн Си¹ сумел их обхитрить.

Отныне только лишь преступник,
Монах иль подлый человек,
Косу не носит — молвил спутник,
Указ подписан был на век.

И прекратились беспорядки,
А бунты все ушли, их нет.
И если ты с косою — в порядке
И огражден от разных бед.

— Вот есть история про ножки,
Из древности она идет.
Князь Чжоу- Ван, рассказ вел бошка,
Фазанью самку не сберег.

Волшебник подшутил наверно,
В девицу самку превратив.
И поступил он очень скверно,
Фазаньи лапки сохранив.

Красива и юна, прелестна...
И князь не смог тут устоять.
И вот жене все повсеместно,
В походке стали подражать.

А дух девичий был так стоек,
Все для любви она стерпев,
Чтоб скрыть уродство своих ножек,
Те лапки в башмачки одев.

Изяществом и красотой
И стройной грацией полна.
Легенда — жертвенность собою,
До нас ту моду донесла.

¹ Канн-Си — 2-ой император маньчжурской династии

— А есть предание другое,
Жил много тысяч лет назад,
Хан танский, для него святое —
Мир золота, чему был рад.

Но восхищен был красотой
Наложницы, чей стройный стан
Так ворожил, звал за собою,
Что покорен был грозный хан.

И танец, музыка и ножки
Мелькали, ворожили вновь.
А следом лепестки — сережки,
Взлетая, горячили кровь.

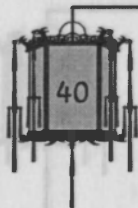
То лотос ярким желтым цветом
Был золотом, что он хотел.
И, видно, хан, тот слыл поэтом,
Что ножки эти он воспел.

И с малых лет девичьи ноги
Так туго бинтовали их,
И вот мы видим те итоги:
Все сохранилось, все при них.

За разговором тех преданий
Преодолели сложный путь.
И через время тайну знаний,
Я расскажу когда-нибудь.

Так думал Иакинф в Пекине,
Ведь впечатлений полон он...
Здесь мир другой и вот отныне
Твой труд реальность, а не сон.

Он видел лица в своем храме,
Крещеных, новых прихожан.
И по восточному да лама,
Откроет мир, что богом дан.

Глава 13.
Русская духовная миссия в Китае.
Научно-исследовательская работа
ученого монаха Иакинфа Бичурина в Китае

«В таком государстве,— писал он о Китае,— без сомнения, есть много любопытного... много хорошего, поучительного для европейцев, кружащихся в вихре различных политических систем».

Иакинф Бичурин

С Петра все это начиналось¹,
Указ подписан был давно.
И миссия с тех пор старалась...
Их цель: в Китай нести добро.

Чуть позже, нашу царицей
Екатериною Второй,
Был стимул дан: и вот в столице
Дворянство увлеклось страной.

И множество тогда проектов
И перевода языков.
Так трудно начиналось с текстов,
Так много незнакомых слов.

Был век 17 от лета.
Преданье донесло до нас,
Как император ждал ответа²,
Послав посланье как-то раз.

Василий Шуйский Русью правил,
Но не нашелся все ж толмач.
Век 18 доставил,
Лишь радость знания, хоть плачь.

Китай — традиции и тайны,
И все хранилось за Стеной.

¹ В 1700 г. выходит 1 указ Петра I об обучении восточных языков в Пекине.

² Исторический факт: в 17 веке китайский император направляет послание русскому царю Василию Шуйскому, только в 1761 г. был получен русско-китайский перевод.

Фарфор и шелк, бумага, чай ли,
Открыто этою страной.

Книгопечатанье и компас,
И порох здесь изобретен.
Из глубины веков тот образ
До наших дней все ж донесен.

История полна загадок,
Отсюда шелк открыл свой путь.
Средневековья лик несладок,
Эпоха выживаний суть.

И путешествие из Кяхты
Дорогой сложною в Пекин.
В миссионерской трудной вахте
Опишет Иакинф про Цинн¹.

Французы, немцы в переводе,
Узнают про монгольский дух.
И неизвестные народы
Европа обсуждала вслух.

Потом историю про ханов,
Текст извлечен из «Юань-ши»,
Тех четырех из Чингис-ханов,
Расскажет книга от души.

Потом узнаем о Тибете,
И переводе «Сань-цзы-цзин»².
Не будут знания секретом
И мир узнает все о Мин³.

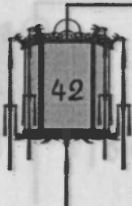
Всего 14 изданий —
Вот достояние его.

---

¹ Цинн (маньчжурская династия, правила с 1644 по 1911 гг. В результате Синьхайской революции 1911 г. династия Цинн была свергнута, и была провозглашена Китайская Республика).

² «Сань — цзы-цзин» — троесловие.

³ Династия «Мин ши» правила с 1368 по 1644 годы.

И уникальность этих знаний
Найдут признание свое.

Статьи, рецензии и книги,
Синолог истину искал...
Вокруг него плелись интриги,
Он многого о них не знал.

Бесценен труд здесь Иакинфа.
А началось со словаря.
И вот историю и мифы
Читаем, хоть сложны слова.

И география доступна,
И этнография важна.
Исследовал все неотступно,
Он знал: здесь истина нужна.

А в медицине сколько знаний?
И в травах люди знали толк.
И как лечить, что с поля брани
Здоровье воин не сберег.

И мир Конфуция¹ — ученье
Узнал: обширен этот свод.
Монах ученый в своем рвении
Пролил в трудах немалый пот.

А переводы «Тунцзянь ганму»
Действительно сравнить нельзя.
Так Гумилев писал по-праву:
Тома те — лучшие друзья!²

И в Кяхте наш Бичурин славный³,
Училищу откроет свет.

¹ Конфуций — латинская транскрипция китайского словочетания Кун Фуцзя.

² Лев Гумилев — видный советский востоковед писал, что переводы Бичурина, 20 рукописных томов, служили для него «колодецем», из которого он черпал сведения для работ.

³ В 1835 г. по поручению Азиатского департамента, организует и откроет училище по изучению китайского языка.

В кругах ученых — самый главный,
Китай уж знает столько лет.

Не зря Европа издавала¹
Те словари, что он писал.
«Канси цзыдянь» что составляло,
Бичурин тщательно сверял.

Благодаря трудам ученых,
Что службу трудную несли,
Язык действительно из сложных
Доступно миру донесли.

Глава 14.

Невзгоды и лишения Иакинфа в Пекине. (Влияние Наполеоновских войн в Европе и России на пребывание 9-ой миссии в Пекине)

Шесть лет в Пекине проживая,
Он знал: Европу жжет война.
Шел Бонапарт все подминая,
Сдавалась за страной страна.

Италия, потом Египет,
Опять в Италии войска.
Вот Австрия, что мира ищет,
И Пруссия уже близка.

Господство над Европой встало,
И Польшу Бонапарт все ж взял.
Испанцы, португальцы вяло
Дрались, француз их всех подмял.

Потом компания вторая,
И Австрия совсем сдала...
В Ваграме битву прославляя,
Французов слава превзошла.

¹ Н.Я.Бичурин создал словарь в 9 томах, исследователи нашли 6 словарей, составленных Бичуриным.

Россия — вот теперь преграда...
Французы двинулись войной.
Наполеон сказал: «Награда —
Москва! Вперед, за мной!»

Барклай де Толли на заставах
Удар французский удержал.
Здесь русский дух, солдаты бравы,
Врагу ни в чем не уступал.

Фельдмаршал, доблестный Кутузов,
Войска сумевший сохранить,
К Бородино стянул французов,
И там священной битве быть.

Рассвет, стрельба и шум атаки...
Французы двинулись вперед,
А русские готовы к драке...
Враг будет бит и не пройдет!

Прославил Платов Дон казачий.
Француз сдавался казаку.
Так Русь не раз давала сдачи
С мечом пришедшему врагу!

Но цель достигнута и что же?
Зима □ Сожженная Москва...
И с оружием, кто может,
Встает огромная страна.

Потом Смоленская дорога,
В мороз и холод враг дрожит...
Так от российского порога
Их путь во Францию лежит.

Река запомнится навечно
Березина — здесь бой был дан.
Наполеон бежал, конечно...
Так пошатнулся его сан.

И в декабре все завершилось,
Под Ковно опрокинут враг.
Русь победила! Все свершилось!
Да здравствует Российский флаг!

А Иакинфу в эти годы
Пришлось немало испытать.
Забыта миссия. Невзгоды...
Об этом как не рассказать.

Чтоб жить достойно и работать,
В аренду вынужден отдать
Часть помещений, так как подать
Ну просто неоткуда взять.

И прихожан совсем немного,
Их албазинцами зовут.
Запрет в Китае верить в бога,
В Христа, ох строго стерегут.

Давно все это начиналось...
Был век тринадцатый тогда...
Империей монголы звались,
Когда Китай входил туда.

На Русь набеги совершая,
Из пленных был составлен полк
Охранный, верность сохраняя
Служил он хану, зная толк.

А позже, где-то у границы,
Даурский город Албазин.
Принял казаков из станицы,
Но вскоре пал от войска Цин.

И в эти разные эпохи
У православных казаков
Дела не так уж были плохи,
Хоть жизнь была среди врагов.

Им верить все же разрешалось
И католический был храм.
О Родине им там мечталось,
Где поклонялись бы богам.

Потом и первый храм построен,
Он освящен и всем открыт.
Так, вдалеке, наш русский воин
Был православьем не забыт.

И Иакинфу в свое время
Пришлось реальность ту узнать.
Миссионеры (это племя)
Смогли все стойко испытать.

Хлеб, что в Китае, очень горек,
Но цель поставлена — вперед.
Характер Иакинфа боек,
Выходит чаще он в народ.

Так в одеянии китайском
Пешком обходит весь Пекин.
И в этом же костюме штатском
В трактир, в театры, в гости к ним.

100 сочинений труд в итоге
Бессонных, трудных тех ночей.
Писали, что забыл о боге,
Церковных в храме нет речей.

И несмотря на все доносы,
И не желание понять...
Ответ был дан на все вопросы
Но суд Синода — наказать!

Война все средства поглотила,
До миссии ль? Китай далек.
Была ли помощь, что просили?
Нет! Так в чем же был его порок?

Да, был заброшен на чужбине,
Аванс, что выдан наперед,
Истрачен был, и вот отныне
Без средств вся миссия живет.

А ведь преемник Иакинфа
Мог при желании понять,
Что миссия хватила лиха,
Им надо было выживать.

Двенадцать ящиков — все книги,
А вот и рукописей пуд.
Вот краски, карты. До интриг ли?
Наглядно виден его труд.

Увидеть надо было подвиг,
Ведь вез в Россию Иакинф
Китай, Монголию — их облик,
Все, что написано о них.

Изучен был язык серьезно,
А переводов и не счесть.
Он смог в лишениях тех грозных
Сберечь и жизнь свою, и честь.

Домой, назад ведет дорога.
Ему хотелось дольше быть.
Весь изучить Китай до слога...
Потом писать и просто жить.

Отказ царя — тому преграда.
И в консистории суда
Ждет с нетерпением «награда»,
Не возвращался бы туда!

Вот суд. В Святом Синоде тихо,
Определил виновных тех,
Кто в миссии служил и лихо
Навлек тем самым тяжкий грех.

«Посольский двор наполовину, —
Сказали, продал под притон,
Церковной утвари не видно,
Статей оброчных пропил он».

Нет уголовных притязаний,
Вменяют только лишь в вину
Неисполнение сана, знаний...
Вновь нет крещеных — почему?

Церковный был устав нарушен,
И вот слагают с него сан
За то, что не был он послушен —
Сослать навечно в Валаам!

Глава 15.

Валаамский монастырь

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верю познаем, что веки устроены словом Божиим; так что из невидимого произошло видимое...»

Евангелие

Волну тугую ранним утром,
Упрямо режет «Галиот».
Монах конвойный. Небо хмуро,
И что на Валааме ждет?

А Ладога — не видно края,
Безбрежная вперед несет.
И крик пронзителен у чаек,
Полет свободный их влечет.

Прохладой веет и туманом...
Тот монастырь закрыт вдали.
Казалось, все — не сбыться планам,
Свой век теперь там доживи.

И мысли, горечь навевали,
Не думал, что так повернет.

Казалось, тучи разогнали,
Теперь уж точно повезет.

И встреча с князем Александром
Голицыным когда была...
Он помнит: обвиненья градом
В доносах сыпались тогда.

Ему пришлось при нем немало
Поведать князю о делах...
На самом деле, что с ним стало,
И искренность была в речах.

Голицын знал: в доносах этих
Наветов больше, все со зла...
В глазах монаха, теплых, светлых,
Жгла искра божья, а не мгла.

Был прав Оленин и Тимковский,
Как образован Иакинф.
Хоть с виду он не так уж броский,
А сколько знает про Пекин.

Все это дал понять Голицын,
Ведь больше года в лавре он...
Вернули книги, и страницы
Переводил, забыв про сон.

И помнит Иакинф субботник
Свой первый, как в салон вошел.
Искусства мира здесь работник
Искал друзей и их нашел.

Было первое волнение:
Крылов, Жуковский — имена...
Круг людей, его общение,
И примут ли сюда — меня?

Какие страсти здесь кипели,
Литература здесь цвела...

И живопись и музы пели,
И мысль свободною была!

Но все разбилось в одночасье:
Виною был митрополит.
Постигло страшное несчастье —
На остров путь его лежит.

Голицын сам попал в опалу,
Здесь Аракчеева рука...
Спасти его от этой славы
Никто не сможет никогда.

Была надежда — в пустынь ссылка,
И год не так уж веселил.
Но сговор Серафима пылкий
С Синодом все переменял.

Граф Нессельрод помочь пытался,
С царем Голицын говорил.
Но Александр возмутился:
«Простить нельзя, что натворил!».

— Тимковский просит — что за диво?
Ученый, говорит, монах?
Синоду лгать ведь некрасиво...
Скрывался он зачем в горах?

Перед царем встает дилемма,
С одною стороны Синод.
С другой — ученый и проблема...
В итоге скажет что народ?

Так Александр обозначил:
«Что ж, князь, есть остров Валаам...
И в Соловки, как я заметил,
Ссылают по плохим делам».

Но Иакинф не знал об этом,
Что царь решил его судьбу.

Так по доносу, по наветам,
Его отправили в тюрьму.

А по другому и не скажешь:
Есть остров, там же монастырь.
Навечно сослан — там же ляжешь.
Там, где хоронят, есть пустырь.

Вот Валаам. Его игумен,
Почти что девяносто лет.
Монах доставивший — отпущен,
В руках игумена пакет.

Знакомство тут же состоялось,
Откуда и зачем он здесь...
Тут Иакинфу наставлялось,
Забуть гордыню, свою спесь.

А дни летели здесь за днями,
В трудах, моленьях, в тишине.
И все, что сделал ты руками,
Никто не вспомнит о тебе.

— Найти подход мне к старцу надо,
И сделать это побыстрее.
И рассказать ему всю правду.
Работа с книгами — нужней.

Уж сколько времени он думал,
Не спал так множество ночей.
И, наконец, решившись, дунул,
Свеча погасла — день мудрей.

Пусть это будет послушаньем,
Наука требует того.
И если наделен он знаньем,
Пусть будет благо от него.

И Иакинфа старец слушал...
Китай — далекая страна.

И про себя он, видно, думал:
История сия важна.

Вернули книги и чернила,
Бумаги дали, карандаш.
И вот возвышенная сила
Витала в кельи, был кураж.

Трудился так, как будто долго
В пустыне жил он без воды.
И отдавал себя настолько,
Что счастлив был он от души.

Мир так устроил человека,
Иль человек устроен так?
Безвестен до поры, до века,
И одиночество — твой враг.

Не думал Иакинф об этом,
Ведь мысли были далеко.
Он был возвышенным поэтом,
Все новое его влекло.

И в келье, в это время тесной,
Дух Чингис-хана обитал.
И мир династий в Поднебесном
Смысл в переводах обретал.

И вот Тибет уже, не келья,
И мысль восторженно поет.
И нет вопросов, кто и где я —
Так Азия его влечет.

А служба? Только в воскресенье
И в праздники проводит он.
В будни приходил к заутрени...
Читал псалтырь, гоняя сон.

Трудился после до вечера,
К наставнику потом он шел.

Потом опять в свою « пещеру»,
Где послушание там вел.

Так дни летели и недели,
И месяцы, а там и год.
Свобода мыслей, тяга к цели
И дни и ночи напролет.

И вот отдушина однажды
В престольный праздник — ярмарка.
Купить товар здесь может каждый
И выпить с другом чарочку.

Чего греха таить, и в будни
Здесь посещаем Бахус был.
Тюрьма и остров — мыслей скудных,
Но дух бунтарский в людях жил.

И в дни, что ярмарка гуляла,
В цыганский табор он забрел.
Цыганка там судьбу гадала,
Там у костра — тепло нашел.

Еда, вино и пели песни,
И дева горячила кровь.
И голос грубый и чудесный
Пел про несчастную любовь.

Но праздник вскоре завершился.
Потух костер, цыганки нет.
И в «гонку» прежнюю включился,
Работа — смысл от всяких бед.

Однажды все перевернулось,
Надежда встрепенулась вдруг.
То состояние вернулось,
Что не один, поможет друг.

На остров по делам приехал
Тот Павел Шиллинг фон Канштадт.

Криптограф, физик в нем узнал
Архимандрита и был рад.

Знакомство вскоре состоялось,
И Шиллинг зачарован был.
Об Азии ему мечталось
И любознательным он слыл.

— Все, решено! Печатать надо
И список Иакинф готовь.
И видно, оба очень рады,
Что значит к знаниям любовь.

И в Азиатский департамент
Пробьет дорогу наш барон.
И Иакинф своим там станет
И снова будет вхож в салон.

Где музыка и речи страстны,
Литература там живет...
Искусства люди так прекрасны,
Энергия фонтаном бьет!

Барон был сильным шахматистом,
Играл с Ампером как то раз.
Глаза завязаны батистом,
Так показал он высший класс.

Дружил барон и с Николаем,
И в Аничков дворец был вхож.
С императрицею за чаем
Играл он в шахматы там тож.

Проигрывать тогда старался,
Здесь дипломатия важна.
И прав он в этом оказался,
Ведь хитрость здесь ох как нужна!

И часа звездного дождался:
Об Иакинфе речь завел

Царь благосклонно отозвался,
И дело до конца довел.

И обер — прокурор Синода,
Письмо директору отдал.
Потом от графа Нессельрода...
Тимковский с Шиллингом читал.

— Монах ученый в департамент,
При министерстве утвержден.
Отныне он ученым станет
И мир узнает все о нем.

Глава 16.

«Львиная пещера» князя Одоевского

Пока наш Иакинф томился,
Прошло немало перемен.
В один из дней потоп случился,
И Балтика была у стен.

У стен домов Санкт-Петербурга —
Мятеж, войска на площадь шли.
Метель кружилась, выла вьюга,
Звон кандалов, Сибирь вдали...

И в Зимнем тоже перемены,
Князь Николай взошел на трон.
Трудился Иакинф без лени,
И в этом помогал барон.

Теперь труды в журнале можно
И прочитать, и обсудить.
И виден труд, как это сложно,
Китай вниманьем пробудить.

Монаху повезло с друзьями,
И в этом есть заслуга в нем.

Пусть жизнь плоха, в ней много драмы,
Но сильным духом — нипочем!

Есть в людях яркие натуры,
Честолюбивы и умны.
Талант и труд — вот их фактура
И помощь им ох как нужны.

И Иакинф был рад барону,
Вот в келью шумно он вошел.
И в добром и счастливом тоне,
Себе поддержку он нашел.

— Ну что же, Иакинф, за дело?
Нас ждет прекраснейший салон!
Ты помнишь, как княгиня пела?
Как был пленен, заморожен...

Не надо слишком отпираться,
Как важно мило отдохнуть.
И если очень постараться,
И в келью можно жизнь вдохнуть!

— До Миллионной в Петербурге,
От Невской хоть рукой подать.
Княгиня там, ее подруги...
Да что я, все не рассказать...

Давай, друг мой, все ж собирайся,
Ты можешь всех там удивить.
Салонной жизни набирайся,
Жизнь надо весело прожить.

И сборы были здесь недолги,
Монах был счастлив, друг с тобой.
Он говорил, что жил на Волге,
Когда был очень молодой.

Казань он помнит и мечети
И храмов белоснежный лик.

Незабываемы дни эти,
Что значит жизнь — один лишь миг.

И воздух, что вдыхаем — свежий,
Как хорошо на воле тут!
И этих дней все реже, реже...
Успеха, счастья — люди ждут.

И мысли роем проносились,
Мелькали лица тут и там.
И в этих лицах, что дивились,
Взгляд на друзей не по годам.

Да и зачем им эти взгляды,
Их дело общее влекло.
Они друг другу были рады,
С этим крупно повезло.

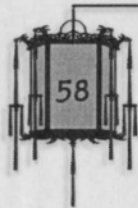
Вот и салон... Смелее, ну же...
Барон монаха подтолкнул.
— Ну вот и все, не сесть бы в лужу
И воздух он в себя вдохнул.

Одоевский и окруженье...
Дух дружбы в комнатах витал.
Вниманье, знаки уваженья...
Он поровну им всем воздал.

Здесь частым гостем был Жуковский,
И Вяземский умом блистал.
И журналист Плетнев с Потоцким...
Ну, в общем, разный люд бывал.

И кабинет он свой — пещерой,
Причем аж львиною, прозвал...
Хозяин был на речи щедрый
И тягу к знаниям пробуждал.

Он говорил: «Литература —
Мерило в обществе всегда.

Поэзия — вот та натура,
И игнорировать нельзя!

Без этих важных элементов
Как человечеству прожить?
Души прекрасные моменты
Ведь кто-то должен в них вложить.

И дни монаха Иакинфа
Стремительно летели вдаль.
Трудился он, и его нимфой
Была работа — очень жаль.

А жизни милая подруга
На век другому отдана.
И выбраться нельзя из круга,
Одна Татьяна лишь нужна.

Прошли года, седыми стали,
Болячек много, целый воз.
Мы и теперь друг-другу лгали,
Что проживём без алых роз

И вот он снова у Карсунских,
Прошли те милые года.
Тепло, вниманье-всё по-русски:
И самовар ну как тогда...

Хозяйка мило хлопотала,
Была подтянута, стройна.
На жизнь — Татьяна не роптала,
Хоть горя выпила сполна.

Потеря дочери и сына
Оставили заметный след...
Вот стол накрыт. Наливки, вина...
И можно сесть всем за обед.

Воспоминаний всем хватило.
Потом вопросы про Китай.

— Да, Иакинф, жизнь тебя была,
Теперь об этом вспоминай.

И тихо так за разговором
Вся жизнь рассказана была.
И пели песни потом хором
О том, как, молодость прошла.

И сидя у Карсунских дома,
Он жизнь свою не проклинал.
И помнит спор, бутылку рома...
И всё в судьбе, как начинал.

Пусть всё останется меж нами,
В глазах Татьяны он читал.
Мы виноваты в этом сами,
Ответным взглядом отвечал.

И вечер день закрыл крылами,
В тревожном сне Санкт-Петербург.
— Читатель, мы узнали с вами,
Как дорог в жизни старый друг.

Глава 17.

Дружба Иакинфа с Пушкиным

Апрель. Весна дает надежду,
Что жизнь по новому пойдет.
Так человек, сменив одежду,
Случайной встречи тайно ждет.

И солнце греет необычно,
И зелень пробивает путь.
И каждый думает о личном,
О том, что будет, верят, ждут.

И Иакинф от солнца жмурясь,
Был рад весенней суете.
Карсунский плох, он думал хмурясь,
Здоровья нет, года не те.

Иакинф с Пушкиным

И вот не стало друга Сани,
Теперь Татьяна, дочь одна...
У Софьи лик похож на Танин,
Гостиная людьми полна.

Ох, эти мысли, все смешалось...
Чужое горе не роднит.
Тосты все Сане воздавались,
В словах душа у них болит.

Что делать? Годы беспощадны,
И человек устроен так,
Живет, живет и вроде ладно...
Вдруг бац! И после уже мрак.

И кто ж придумал после смерти,
Поминки с водкой проводить?
И уж покойнику, поверьте,
Не важно, кто, что говорит.

Все позади, огонь в камине,
Поленья быстренько горят.
От горя очень мы ранимы,
Лишь время лечит — это так.

И, видно, изменений в жизни
Судьба готовит поворот.
И стал он другом самым ближним
Татьяне в этот трудный год.

Вдвоем о многом говорили...
Огонь в камине согревал.
О том, что делали, как жили
И тайны он ей открывал...

Однажды Павел Львович Шиллинг,
Бичурину вот что сказал:
«Над книгами, как чернокнижник,
Все трудишься, аль не устал?»

— Тут рядом Пушкин квартирует,
На Мойке есть трактир один.
Он холост и один тоскует,
Я слышал болен, нелюдим.

Проведать надо человека,
Расшевелить от грустных дум.
Живем не более мы века,
Вдохнем с тобой весенний шум.

А Пушкин в это время года
Мечтает о своей любви.
Да и любовь снискал народа,
Влюблен, я слышал, в Натали.

Пешком дошли, ведь недалеко,
В дверях хозяин, грустен он:
«Не виделись, неважно сколько,
Я рад визиту, мой барон.

Нога болит, да и болячки
Нет-нет заявят о себе,
Как будто после зимней спячки.
Вот так случается ЧП».

Тут Шиллинг Пушкину представил:
«Знакомьтесь — это Иакинф,
Китай и своды его правил,
Теперь для нас уже не миф.

Он знает много о Китае,
И переводит их язык.
Мы многое еще узнаем,
К чему наш разум не привык.

Так, встреча эта состоялась.
Вино, сигары, разговор...
С тех пор и дружба завязалась
И знал об этом светский двор.

И Шиллинг очень был доволен,
Великолепный был тандем.
Бичурин был Китаем «болен»
И в разговоре весь горел.

И страстью этой заморожен
И очарован Пушкин был.
И говорил, что тоже должен
Китай увидеть, его быть.

И строчки вот уже ложатся...
Китай недвижимый и друзья.
Уехать вместе, дня дожждаться,
Но самовольничать нельзя.

Как Пушкину все интересно:
«Ну как и почему так там?»
И все не так, что нам известно,
Увидеть все мечтал он сам.

И в этих встречах и беседах,
Сближала истина друзей.
Быть может, общее в их бедах,
К свободе тяга. Что важней?

История. Ее загадки...
И было ль правдой или нет.
Желали знать, найти отгадки,
Монах-ученый и поэт.

А Пушкин очень-очень занят.
Онегин мучает его.
И говорит, что Петр манит,
Роман напишет про него.

Статей критических в газете,
Литературных дел полно.
За все, что делает, в ответе
Цензура за спиной давно.

И вот письмо у Бенкендорфа,
С посольством просится в Китай.
Какая все же катастрофа,
Когда неволен, жизнь не рай.

А ведь просился и в Полтаву,
Потом в прекраснейший Париж.
Где можно отдохнуть на славу
И где оценят, что творишь.

О путешествиях монаху
Мечтательно все говорил,
Что кораблю страшны ли рифы,
Коль лоцман знающий водил.

И в представлении поэта
Монах тем лоцманом там был.
А кораблем — наука эта
О том, что он переводил.

Мечтали: будут в Забайкалье,
Увидит Пушкин там друзей.
Бестужев жив ли в этой дали?
На расстояньи жизнь полней.

И вот письмо от Бенкендорфа,
Он пишет: «Царь ответил: «Нет».
«Все правда — это катастрофа!»—
Швырнув письмо, сказал поэт.

А как мечтал он о Востоке...
Был прав монах все самому
Понять, увидев можно только,
Но мысль нельзя загнать в тюрьму!

Глава 18.
Путь в бессмертие Иакинфа Бичурина

Бичурин шлет с поездки дальней
В газету Пушкина статьи.
Вот очерки с Сибири крайней,
Сюжеты, что сумел пройти.

Байкал суровый, его люди
О том, что видел и узнал.
Все интересным тому будет,
Кто здесь ни разу не бывал.

Монах с Бестужевым встречался,
Путь с Кяхты — на Петров завод.
Подарок с кандалов остался:
С железа четки, крестик вот.

Преподавал язык он в школе,
Там, в Кяхте, труд был оценен.
И как писала после Моллер:
«Он был ученьем увлечен».

Бичурин в длительной поездке.
Два года в странствиях, в пути.
Та жизнь вместила все отрезки
С чем он столкнулся — позади.

Санкт-Петербург его встречает
Холодным и дождливым днем.
Царь в Лавру снова возвращает,
Гнетет его внутри огнем.

И снова он в трудах бессонных,
Деваться некуда ему.
Хватает на земле бездомных.
Откуда это, почему?

И рукопись о древних людях,
Что в Средней Азии смогли
Оставить след о жизни, буднях
Ученым очень помогли.

Не зря отмечен был наградой
Он Академией наук.
И отголоски этой славы,
Сегодня в памяти живут.

И все ж он был простым монахом,
Ученым стал через года.
Его труды не стали прахом,
Живут, хотя прошли века.

В Европе это имя знают.
Их переводам нет числа.
Дни юбилеев отмечают,
Дань отдают ему сполна.

Он современник той эпохи,
Которой нет уже давно.
Что наши жизни? Это — крохи.
Но много личности дано.

С Голицыным не раз общался,
С Волконской, с Шиллингом дружил.

И Пушкин часто с ним встречался,
И Лермонтов с ним дружен был.

Оленин, Несельроде тоже
Монаху помогли в судьбе
И Иакинф потом умножит
России славу, но в борьбе.

Пытался и не раз ученый
Сложить монашеский свой сан.
Служить науке, Не преклонный
Талант развить, что Богом дан.

Монах Бичурин, переводы,
Коллекции, что он собрал —
Все, что скопилось за все годы
Ученым людям передал.

Он помнил о родном Поволжье
Бичурино — его село.
Казань и Чебоксары тоже,
К вершинам славы привело.

И пусть казались бы ужасным
Те дни, что были сочтены.
Забвенью имя не подвластно,
Труды его все прочтены.

Вот так история богата
Пусть вечно славится герой.
Пусть дни рождения, и даты
Напомнят, кто он был такой.

И образ перед нами встанет,
Ученый Иакинф — монах.
Дорога вдаль его что манит
В Китай, что спряталась в горах.

Пусть память сохранит навечно,
Монаха подвиг, что весом.
Путь к знаниям, что бесконечно
В бессмертье сами мы несем.

СОДЕРЖАНИЕ

Читателю этой книги. <i>Г.И. Суровцева</i>	3
Глава 1. Александро-Невская лавра	4
Глава 2. Архимандрит Вознесенского монастыря. Ректор духовной семинарии	6
Глава 3. Любовь Никиты Бичурина и Александра Карсунского к Татьяне Саблуковой (г.Казань)	8
Глава 4. Крепостная актриса — Наталья	11
Глава 5. На пути в Пекин	14
Глава 6. Между Западом и Востоком — пыль времен	15
Глава 7. Философ и поэт Каллисфен	17
Глава 8. Сон Иакинфа	20
Глава 9. «Май-май-чен» — торговый городок. Связь времен	22
Глава 10. Дорожные размышления и приключения Иакинфа	25
Глава 11. Сказание о вожде гуннов Атиллы — царе Итиль	28
Глава 12. Шамо — Песчаное море. Пустыня Гоби (Северная Монголия)	36
Глава 13. Русская духовная миссия в Китае. Научно-исследовательская работа ученого монаха Иакинфа Бичурина в Китае	40
Глава 14. Невзгоды и лишения Иакинфа в Пекине (Влияние Наполеоновских войн в Европе и России на пребывание 9-ой миссии в Пекине)	43
Глава 15. Валаамский монастырь	48
Глава 16. «Львиная пещера» князя Одоевского	55
Глава 17. Дружба Иакинфа с Пушкиным	59
Глава 18. Путь в бессмертие Иакинфа Бичурина	65

Илья Валерианович Казаков-Волжанин

УЧЕНЫЙ МОНАХ ИАКИНФ БИЧУРИН

Литературно-художественное издание

Художник *А.Н. Семенов*
Корректор *Г.И. Суровцева*
Технический редактор *И.Л. Васильев*
Компьютерная верстка *Н.Ю. Смелова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93-95 3003.

Подписано к печати 27.06.07
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Физ.-печ. л. 4,25. Тираж 500 экз. Заказ № 85.

Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034 г. Чебоксары, ул. М.Павлова, 50/1. Тел.: 41-27-98, 46-43-46.

350.8

